

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-4-515-527

Научная статья

Постколониальная литература: истоки, теории и проблемы (новая идентичность героя и автора постколоний)

Н.Ф. Щербак

Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Целью статьи является подробное рассмотрение основных теоретических работ, связанных с возникновением и развитием теории постколониальной литературы. Освещается проблематика, связанная с термином «постколониальный», рассматриваются векторы взаимодействия англоязычной, франкоязычной, португалоязычной постколониальной литературы. В связи с анализом политических традиций функционирования колоний прослеживаются основные тенденции развития западных постколониальных теорий литературы, в частности, взгляды и психологические теории Франца Фэнона, его определение «трехуровневой панорамы», включающей этапы формирования идентичности жителя колонии или постколонии, и, соответственно, образа героя литературного произведения. Подробно освещаются понятие национализма, взгляды теоретика постколониальной литературы Э. Саида, который вводит понятие «ориентализм» и вскрывает механизмы ложного позиционирования героя — исконного жителя колонии. Подробно рассматриваются труды Г. Спивак и ее работы феминистической направленности, а также труды Хоми Баба, который следует психолингвистической теории Лакана и использует ее для анализа пост-колониальных текстов. Анализируются труды авторов, представителей постколониальной литературы, прослеживаются тенденции развития и новые направления, включающие постмодернистскую, метамодернистскую литературу, феминизм в постколониальной литературе, а также тенденции формирования литературы коренных жителей колоний.

Ключевые слова: постколониальные исследования, постколониальная литература, постколониальная теория

Введение

Префикс «пост-» в термине «постколониальный» стал причиной большого количества обсуждений в отношении исторических предпосылок, основополагающих принципов, определяющих постколониальную литературу. Следует ли этот термин воспринимать дословно или он обозначает какой-то конкретный

© Щербак Н.Ф., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

исторический период? Имеется в виду, например, знаменитая и очень важная дата — 1947 год, когда Индия стала независимой и было создано государство Пакистан. Подобное объяснение термина предполагает, что под «постколониальной литературой» всегда подразумевается литература, причиной создания которой была колонизаторская политика Великобритании. Многие исследователи, в частности, Нил Лазарус [1. Рр. 2—20], Элеке Бозмер [2. Рр. 340—361], считают, что термин «постколониальный» предполагает обсуждение влияния (часто насильственного) Британской империи (или других стран-колонизаторов, таких как Франция, Испания, т.е. англоязычной, франкоязычной, португалоязычной литературы [3. Р. 214]) на бывшие колонии и предполагает определенное позиционирование колониальной политики как более совершенной, оправдывающей жестокое обращение, неравенство и т.д.

Лаура Крисман уточняет термин, обращая внимание уже не на понятие постколониальной литературы, а на определение постколониального дискурса и постколониальной теории, термины, которые часто включает в себя «исследования диаспор, исследования чернокожих жителей берегов Атлантического океана, транснациональные исследования, исследования особенностей глобализации, сравнительные исследования функционирования империи» [4. Р. 1]. При этом Крисман выделяет и другие, не менее важные и более поздние даты, например, годы выхода в свет теоретических работ по истории и теории постколониальных исследований: 1989 год — публикация книги «Ответ Империи: Теория и Практика постколониальной литературы» (*The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literature*) [5], исследование Тимоти Бренан творчества Салмана Ружди и стран Третьего Мира [6], а 1990 год — издание антимарксистской книги Роберта Янга «Белые мифологии».

Обсуждение

Для исследований постколониальной литературы характерно как введение новых терминов, так и использование традиционных герменевтических методов. Ряд авторов заимствуют герменевтические термины и методологический аппарат Густава Юнга и анализируют «постколониальное бессознательное», т.е. создают новую теорию постколониальных исследований, обсуждая критические концепты, которые формируют данную постколониальную литературу [1. Рр. 5—15]. Другие литературные критики или теоретики литературы фокусируют свои исследования на принципах модернизма или постмодернизма, которые характерны для постколониальной литературы [1. Рр. 21—88]. Многие авторы говорят о том, что в 90-е годы все больше внимания уделяется феминистической постколониальной литературе и литературе коренных народов (*ingeneous writing*) [3. Рр. 215, 221]. Нам представляется, что важнейшим является очевидное возникновение новых концепций, позиционирование авторов и героев с их собственных личностных, психологических, культурологических позиций, а не с позиций представителей страны-колонизатора.

В русле подобной схемы действует Франц Фэнон, он рассматривает трехуровневую схему антиколониальной борьбы: 1) так называемая колониальная асси-

миляция; 2) фаза «нарушение» — среди прочего включает в себя «восстановление идентичности автора путем восстановления культурных традиций»; 3) «борьба» — «думающий автор, исконный житель колонии», который представляет собой объект исследования постколониальной критики и ранее пытался потеряться среди людей, начинает активную борьбу за восстановление свободы, утверждения своей политической роли, противостояния колониальной агрессии [2. P. 345].

В работе «Черная кожа, белые маски» (*Peau Noire, Masques Blancs*, 1952), написанной о ситуации в Алжире, Фэнон делится своим опытом представления исторической критики последствий расизма, которые возникают в ситуации колониального завоевания и оказывают влияние на психическое состояние коренного населения. В книге подробно проанализированы чувства зависимости и неадекватности, которые испытывают чернокожие жители завоеванных территорий. Речь идет о самоидентификации так называемого чернокожего субъекта, который утратил ощущение своей принадлежности к коренной культуре своего народа, ощутил себя частью культуры страны-завоевателя, и в результате у него развился комплекс неполноценности, из-за попыток имитировать культуру страны, завоевавшей его землю. Подобное поведение, как пишет Фэнон, особенно заметно в практиках поведения молодых, образованных людей «уирру» (*young upwardly mobile professionals or educated Black people*), которые приобретают возможность заработать деньги и получить хорошее образование, обучившись языку колонизатора, получив образование «за рубежом», надев, таким образом, «белую маску» (*the white mask*) [7. P. 56]. В шестой главе этой книги («Негры и психопатология») автор пишет о невозможности чернокожего населения соответствовать социальным, культурным, расовым нормам, которые определяются «белокожим» обществом, делая выводы о том, что воспитанный в «чернокожей» семье негр будет «аномален» в «белокожем» обществе или при соприкосновении с «колониаторским обществом» и такое положение вещей во многом обусловлено фильмами, карикатурами, позиционированием «чернокожей культуры» как «неправильной» [8].

В книге «Проклятым заклеянные» (*The Wretched of the Earth*, 1961) Франц Фэнон проводит радикальный психологический анализ последствий колонизации, ее влияния на сознание человека и нации. Французское название “*Les Damnés de la Terre*” является реминисценцией из «Интернационала». Фэнон представляет читателю критику личного и социального здоровья, обращая внимания на то, как посредством выбора конкретных языковых средств происходит установление и формация империалистических образов, таких как колонизатор и колонизируемый. Используя марксистский термин “*lumpen proletariat*” (обозначающий рабочую силу, которая не участвует в производстве, т.е. слой общества, включающий криминальных субъектов и безработных), Фэнон в слишком, на наш взгляд, традиционной манере предлагает революционерам заручиться поддержкой самых низших слоев населения (в некоторых случаях крестьянства) для борьбы против колонизаторов, в некоторых работах используя весьма смелый термин — «революционная жестокость» (*revolutionary violence*) [9].

Несколько тенденциозным, но тем не менее важным направлением изучения становится так называемый период «пост-1947», который определяется новым

этапом в развитии колоний и приобретении ими независимости (в данном случае речь идет в основном об Индии, хотя большинство других колоний в это послевоенное время начинают приобретать независимость), ярко выраженной тенденции национализма, при которой, как пишут теоретики постколониальной литературы Бенедикт Андерсон (Benedict Anderson) [10] и Парта Чаттерджи (Partha Chatterjee) [цит. по: 3. Р. 348], нация начинает балансировать между традиционной культурой и современной. Авторы обращают внимание на факт не столько жертвенности колоний, сколько ситуации развития национализма: в колонизированных обществах в начале XX века элита коренного населения создает новую политическую структуру и технологические сети, но заполняет их традиционным культурным содержанием (бенгальский поэт Рабиндранат Тагор (Rabindranath Tagore) и лидер оппозиции, первый премьер-министр Кении Йомо Кеньятта (Jomo Kenyatta)). Исследования Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» (Imagined Communities) [11. Рр. 1—213] показывают, например, что идентичность никогда не может быть врожденной, колонизируемое общество создает свой собственный имидж и опыт, зависящий от позиционирования субъектов и других участников ситуации в газетах или журналах, использования языковых средств и моделей поведения. Национализм, следовательно, производит в колонии крайне неоднозначные юридические, политические, социальные ситуации. Речь идет об образовании классовых иерархий, которые часто приходили на смену колониальному режиму, или о создании особой ситуации в «постколонии». «Постколония» — термин политического лидера Ганы Кваме Нкрумар (Kwame Nkrumah), обозначающий не политическую, а любую другую, в частности, экономическую, зависимость бывшей колонии; может обозначать государство или несколько государств, которые возникли после того, как страна-колонизатор покинула территорию колонии, как было, например, в Индии, когда после массового отъезда англичан и образования нового государства Пакистан в стычках-междоубицах погибло около миллиона человек.

Развитие националистического движения в странах-колониях, как и активная деятельность постколониальных теоретиков-интеллектуалов, были одинаково важны для определения формы и очертаний постколониального мира, начиная с 1945 года. Новый этап развития колониального мира связан с написанием и изданием работы американского профессора литературы, палестинского активиста Эдварда Саида, которая называется «Ориентализм». Одной из основных причин популярности данной книги была используемая автором постструктуралистская и постмодернистская методика, а именно опора на фундаментальные труды Мишеля Фуко, что было причиной досконального, подробного анализа социальных, политических, культурологических, материальных аспектов колонизации.

Главный труд Э. Саида «Ориентализм» рассматривает роль западной науки в создании стереотипа колониального Востока. Он утверждает, что ориентализм был орудием колониальной политики Запада. По мнению Л. Лосева, «увлечение ориентализмом — в основном дело прошлого. Запад теперь знает о Востоке из книг индуса Найпола, пакистанца Рушди, японца Кавабаты, китайца Гао Синьцзяня — писателей, совсем не склонных потакать фантазиям западных любителей

экзотики» [12]. «Ориентализм» Саида являет собой дискурс о Востоке (Палестине), который (по традиции и методике М. Фуко) функционирует в качестве «корпоративного института» и действует с целью контроля и управления. По словам Саида, ориентализм — это «западный стиль доминирования, реструктурирования и управления Востоком», при этом термин «Восток» может быть применен и в отношении африканских стран, и в отношении стран Карибского моря, Латинской Америки. При этом Саид отмечает, что «говорить об Ориентализме значит говорить по большей части о британском и французском правлении, о британском и французском культурном привнесении, которое охватывает колоссальные просторы, подобно самому воображению».

Идеи «ориентализма» породили развитие смежных дисциплин, которые развивали и дополняли исследования Саида, среди них можно назвать работы Ашиша Нэнди (Ashis Nandy), пишущего о развитии феминности как одной из характеристик образа или идентичности колонизированных жителей, а значит, и литературных персонажей [12. P. 351], исследовании вопроса невозможности существования Индии вне религиозных практик [12. Pp. 35–64] или работы Гаури Висванатана (Gauri Viswanathan), посвященные образовательной системе Индии и способам воздействия колонизаторов на создание и формирование идентичности у коренного населения Индии.

В своей более поздней работе «Культура и империализм» (Culture and Imperialism, 1993) [13] Саид обсуждает основные культурные понятия и процесс их формации, в частности, пишет об опере и литературе. Исследование, таким образом, ставит своей задачей показать невидимые идеологические основы, способы образования и поддержки имперской идеологии, которая проявляется, например, в европейском романе, в то время как постколониальные авторы (Салман Рушди) протестуют против такой идеологии, создавая другие образы, бросающие вызов доктрине, сформулированной в произведениях Киплинга, Г. Хаггарда, Джозефа Конрада. «Сердце Тьмы» (Heart of Darkness, 1899) Конрада — произведение о путешествии по реке Конго. История рассказана от лица Чарльза Марлоу и полна необъективно показанных подробностей жизни аборигенов и насаждаемых в далекой колонии порядков. Книга примечательна еще и тем, что Саид ее подробно анализировал в отдельной работе, посвященной Конраду и биографическому нарративу.

Саид отмечает, что главный герой «Сердца Тьмы» Конрада Чарльз Марлоу не только путешествует по Африке и рассказывает об этом. Конрад создает драматический образ самого Марлоу, в прошлом путешественника по колониальным регионам, который рассказывает историю своих приключений соотечественникам-британцам, принадлежащим к бизнес-элите. Саид делает ремарку о биографических подробностях из жизни Конрада, упоминая тот факт, что это автор польского происхождения, искренне принявший имперские взгляды, и что на момент написания статьи он, возможно, мог присутствовать на лекции по империализму в Лондонском Институте банковского дела, которую читал географ и исследователь Холфорд Макиндер, демонстрируя, таким образом, что нарратив Конрада нацелен на конкретную аудиторию и предполагает «встроенного» читателя определенного социального положения. Саид замечает, что Марлоу ведет

повествование не где-нибудь, а на борту судна, пришвартованного на реке Темзе, еще раз сигнализируя о системе координат главного героя и автора [13. Рр. 369—380].

Среди наиболее значительных работ, посвященных теории постколониальной литературы, которые воссоздают новый образ исконных жителей колоний, следует назвать книгу «Империя отвечает» (*The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literature*) [5], написанную Билом Ашкрофтом, Гаретом Гриффитсом, Хелен Тиффин и выпущенную в 1989 году. Книга посвящена постколониализму и является первым по-настоящему серьезным теоретическим трудом, охватывающим большое количество постколониальных текстов, посвященных изучению постколониальной культуры. Авторы ставят задачей рассмотреть, каким образом евроцентрическое понимание языка и литературы расставляет ярко выраженные акценты, которые фальсифицируют описанные ситуации. Броское название данной книги отсылает нас к статье «Империя наносит ответный удар», написанной Салманом Рушди в 1982 году, название, в свою очередь, отсылает к знаменитому эпизоду «Звездных войн». Таким образом, для авторов становится важно сконструировать оппозиционную, антиколониальную идентичность путем адаптации и изменения западных (ранее колониальных) конфигураций этой самой идентичности.

Работы Саида, как и книга «Империя отвечает», находятся в одном ряду с другими исследованиями, включающими работы Гаятри Спивак (*Gayatri Spivak*). В зрелых теоретических работах Г. Спивак 80-х годов отражается ее связь с исследованиями постколониализма в Университете Сассекс (так называемые «исследования угнетенных»: *Subaltern Studies*)), к которым относятся труды Ранаджит Гуха (*Ranjit Guha*) и Дипеш Чакрабартти (*Dipesh Chakrabarty*). Термин “subaltern” имеет военную этимологию и был заимствован из работы итальянского марксиста Грамчи (*Antonio Gramsci*), используется для обозначения «неэлитарных» социальных классов, таких как пролетариат. Вот какие разъяснения в отношении своего эссе «Могут ли угнетенные говорить» (1988) дает сама Гаятри Спивак: «Оно отсылает к тем, кто не отдает приказы, а только их получает. Это слово ввел в обиход Антонио Грамчи. Он говорил о людях, которые не были на деле людьми рабочего класса и жертвами капитализма. Они были за пределами этой логики, сам Грамчи их знал, он сам происходил из Сардинии, которая лежала за пределами Верхней Италии. Но “угнетенный” также означает тех, кто не имеет доступа к структурам гражданства. Я говорю о нынешней Индии, где крупнейший сектор электората составляют безземельные и неграмотные сельские жители. Они могут голосовать, но у них нет доступа к структурам гражданства. Так что это и есть угнетенные» [Цит. по: 14].

Не менее важной является другая работа Спивак, эссе «Французский феминизм в интернациональной оправе» (*French Feminism in an International Frame*, 1987), в котором исследователь рассуждает о том факте, что западные женщины подчас создают свой собственный дискурс угнетения, как будто бы отвечая за интересы колонизированных женщин, тем самым осуществляя определенного рода языковые и фактические подмены. По мнению исследователя, образ «угнетенной женщины» создается «элитным дискурсом», который, в свою очередь,

создан патриархальной или колонизаторской системой. Вот как комментирует свою работу автор:

В 1981 году, когда журнал *Yale French Studies* попросил меня написать о французском феминизме, о *Critical Inquiry* — о деконструкции, я спросила себя: как так вышло, что я стала авторитетом в области французской мысли? Так я стала думать иначе. Я занялась той областью деконструкции, которая рассматривала то, что невольно исключается, когда мы создаем всеобъемлющие системы. Той частью деконструкции, которая утверждает: лучший способ продвинуться вперед — здоровая самокритика. И той частью деконструкции, которая утверждает: ты не осуждаешь то, что ты деконструируешь. Тыходишь в него. Помните ту самую критическую близость? И ты обнаруживаешь момент, когда текст сам начинает подсказывать тебе, как его повернуть и как использовать. Таким образом, это стало частью моего способа перемещения. Поэтому, очевидно, связь есть. Но при этом я никогда не применяла теорию. Теоретизирование — это практика. Оно усваивается. Вы меняетесь в своем мышлении, и это проявляется в вашей работе. Именно это и произошло [Цит. по: 14].

В работе Спивак разъясняется, какого рода исследования проводятся западными женщинами в странах-колониях и какими языковыми средствами они могут пользоваться, позиционируя исследуемых определенным образом и помещая их на соответствующие «нижестоящие ступени развития». Например, при анализе диссертации, посвященной некоторым практикам жительниц Судана, выполненной на кафедре социологии Университета Арабских Эмиратов, западные женщины-исследователи рассказывают об операциях по обрезанию, которые переносят местные жительницы. В данном случае Спивак указывает на ошибки, ложные предположения и ложную, неуместную скромность и лицемерие самих женщин-исследователей, говорит об их изначальной оппозиции и неверном обозначении приоритетов, ярко выраженной идеологической подоплеке.

В другой своей знаковой и яркой работе «Три текста, написанных женщинами, и критика империализма» (“*Three Women’s Texts and a Critique of Imperialism*” (1986)) Спивак, среди прочего, анализирует известный английский роман «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте и пишет о том, что в его основу положены не высказанные напрямую расистские идеи. В блестящем проведенном анализе Спивак показывает, как Шарлотта Бронте рисует образ Берты Мейсон (Bertha Mason), первой жены мистера Рочестера, коренной жительницы Джамайки, происходящей из богатой семьи. Цитаты, которые приводит Спивак, воссоздают картину абсолютного позиционирования Джейн Эйр, как и всех читателей (которые неминуемо занимают ее позицию, так как сочувствуют ей), в позицию колонизатора. В данном случае, возможно, подобное внимание могло бы вызвать легкую улыбку (мало кто помнит, что первая жена мистера Рочестера мулатка), но факт остается фактом — Шарлотта Бронте рассказывает о жестоком обращении в частной английской школе, о гибели подруги Джейн Эйр, о глубоком и светлом чувстве самой главной героини, совершенно забывая о том, что, возможно, судьба первой жены вовсе не так однозначна. Впрочем, данный выбор Шарлотты Бронте, без всякого сомнения, — ее собственное право автора, но знаменательной остается почти дерридианская способность Спивак увидеть в романе скрытые смыслы и «подавленную идентичность».

В продолжение темы о первой жене мистера Рочестера следует заметить: весьма интересно, что в 1966 году Джоан Рис (Jean Rhys) пишет роман «Широкое Саргассово море» (Wide Sargasso Sea), в котором воссоздает историю Мейсон (в романе ее заовут Антуанетта Косвей), пишет эту историю совершенно с других позиций, рассказывая вовсе не о сумасшедшей женщине, бывшей жене мистера Рочестера. В своем эссе Спивак упоминает о Джоан Рис и о том, как писательница была в детстве настолько тронута образом первой жены мистера Рочестера, что пообещала переписать ее биографию. Спивак справедливо замечает, что даже известные теоретики феминизма Гиберт и Губар [15] называют Джейн Эйр всего лишь «историей жизненного пути Джейн», видит в ней лишь «простого заместителя нарратора-мужчины», который превратился в нарратора-женщину, не замечая «колоссальную разницу между сексуальной репродукцией и душевными занятиями, актуализированные безапелляционными идиомами империалистических пресуппозиций, очевидных в финале Джейн Эйр» [16. Рр. 246—249].

Другой важнейшей фигурой в постколониальных исследованиях становится Хоми Баба, который вводит в область исследований постколониальной литературы такие понятия, как «гибридность», «подражание», «различие», «амбивалентность», которые использовались ранее, но не применялись в исследованиях постколониальной прозы, т.е. термины, которые позволяют объяснить, каким образом колонизированное местное население пытается противостоять силам колонизаторов. В своей работе «Местонахождение Культуры» (Location of Culture, 1995) или «Вспоминая Фэнона» (Remembering Fanon, 1986) Хоми Баба, опираясь, в частности, на идею Лакана в отношении «обретения идентичности через отрицание», пишет о том, что взаимоидентификация колонизатора и исконного жителя амбивалентна, так как исконный житель колонии никогда не становится колонизатором или белым человеком, но в попытке обрести его свойства теряет и свою исконную идентичность.

В статье «Подражание и человек» (“Of mimicry and Man” (1985)) Хоми Баба отмечает, что в попытке и желании исконного жителя подражать колонизатору наблюдается определенный и печальный исход: невозможность соответствовать этому идеалу и вторичность обретенного образа, а также невозможность вернуться к исходному образу или идентичности, что становится первопричиной психической нестабильности коренного жителя и его самоощущения:

Эффект подражания и его влияние на власть колониального дискурса колоссален. Нормализуя колониальное государство или его жителя, оно лишает собственный язык свободы и производит другую форму знаний о норме. Амбивалентность, которая характерна для такой стратегии, очевидна, например, в работе Локка «Второй Трактат о Правлении», который показывает ограниченность свободы в двойном употреблении слова «раб», во-первых, описательно, как слово. Обозначающее легитимную форму владения, а также как троп для обозначения невозможного, нелегитимного использования власти. То, что артикулируется разницей между этими двумя употреблениями, так это абсолютная, воображаемая разница между «колониальным» штатом Каролина и первоначальным положением вещей и законами природы. Именно область между подражанием и насмешкой и есть место, откуда миссия цивилизации и реформации подвергается опасности благодаря взгляду своего двойника, откуда исходит тенденция к колониальному подражанию [17].

Баба рассматривает особенности прозы, применяя психогерменевтическую теорию Лакана, рассуждает о механизме возникновения напряжения между силой доминирования (ее участниками), т.е. силами, которые «требуют формирования определенной идентичности» и — «различием», которое воплощается как способность к подражанию, амбивалентному по своей природе. Баба отмечает, что колониальное подражание — это своего рода образец комплекса кастрации, желания субъекта обрести Другого (субъекта различия), который «очень похож на оригинал (субъект подражания), но не совсем». Для дальнейшей иллюстрации своего положения Баба обращается к работам Фрейда и приводит его наблюдения за мулатом, т.е. человеком, принадлежащим к нескольким расам одновременно: такой мулат в чем-то похож на белого человека, но одновременно своим видом «предает» своих «цветных» предков, и, таким образом, исключается из общества, не получает привилегий ни одной из этнических групп. Баба продолжает идеи Лакана, используя его определение «подражания как камуфляжа», которое «не гармонизирует и не репрессивует различие», но «формирует схожесть, которая отличает или обнаруживает присутствие посредством какой-либо части, то есть метонимически» [18. Рр. 380—386]. В данном случае Баба рассматривает глубинные психологические факторы, которые влияют на формирование идентичности колонизируемого субъекта, который, даже при естественном желании подражать колонизатору или быть ему противопоставленным, в результате оказывается лишь его слабой, несформированной тенью.

Хоми Баба активно использует постструктуралистский аппарат, опираясь на идеи Дерриды в отношении «повторения». Повторение (*difference*) для Хоми Баба подразумевает повторение значений или смыслов, свойство языкового знака быть фармоконом, т.е. реализовываться в различных значениях. Власть колонизатора, по логике Хоми Баба, таким образом, всегда конечна и не может быть стабильна. Перенос идей Дерриды на постколониальные исследования позволяет Хоми Баба сделать вывод о том, что европейские попытки воссоздать социальные и культурные структуры и стереотипы в странах колониях никогда не могут быть в конечном итоге успешными именно в силу своей изменчивости. Выбор подобных доказательств остроумен и ставит исследование на более глубокий философский уровень.

Подытоживая сказанное, отметим, что ряд исследователей не считают «святую троицу исследователей» объективной, как например, Ариф Дерлик [19], Айхаз Ахмад (*Aijaz Ahmad*), которые, среди прочего, пишут о том, что все три представителя школы теории постколониализма сами занимают достаточно стабильные роли в западных университетах и их роль в значительной степени была определена благодаря тому, что они пишут об империализме. В своей статье «Постколониальная атмосфера: критика стран третьего мира в век глобального капитализма» (*The Postcolonial aura The Postcolonial Aura: Third World Criticism in the Age of Global Capitalism*, 1994) Ариф Дирлик утверждает, что в 1985 году Гайатри Спивак подчеркнула, что не принадлежит к «высшему эшелону академической элиты США», поскольку она преподавала на юге и на юго-западе страны, в то время как «культурная элита США занимает северо-восточное побережье или западное побережье» [19]. Имеются в виду интервью, после которых Гайатри Спивак все же

стала работать в элитном Колумбийском Университете (Gayatri Chakravorty Spivak, *The Post-Colonial Critic: Interviews, Strategies, Dialogues*, ed. Sarah Harasym) [16. P. 114]. Подобные разногласия в отношении идентичности самих теоретиков постколониальной литературы совершенно естественны, так как стереотипность, на наш взгляд, действует не только в отношении надуманной оппозиции «запад — восток», «колония — страна — колонизатор», но и в отношении клише «образованный — необразованный», демонстрируя неминуемость надуманных противопоставлений, что еще ярче бросается в глаза, если это выходит из-под пера западного исследователя.

В 1990-е годы оформилась развернутая критика феминистских и постколониальных исследований. М. Уэлдрон предлагает унифицированный критический подход к текстам без каких-либо ссылок на историко-культурные детали или акцента на «единственно верное» официальное прочтение романа в рамках литературоведения, акцентируя феминистский и гендерный аспекты. Камилла Палья в работе «Личины сексуальности» (1990) объясняет феномен репрессии женского начала в культуре, говоря о том, что испокон веков западная культура стремилась обуздать природное, «дионисийское» начало в человеке и нейтрализовать власть чувственности над ним. На почве этой интенции в культуре и сложилось отношение к женщине как воплощению темных сил. Подобные выводы сделаны под большим влиянием работы Мишеля Фуко «История сексуальности», по которой в викторианской культуре женское начало всегда отождествлялось с чувством виновности и было отчетливо маркировано как греховное, иррациональное. Не менее важным для понимания новой постколониальной прозы авторов-женщин стало положение феминистской критики о том, что является спецификой женского чтения. Приверженцы данной идеи утверждают: женщины имеют принципиально другие предпочтения в отношении текста и их восприятие неизбежно иное. Для женщин характерна идея конструирования собственной истории, правда, как отмечают критики, стереотипность их чтения настолько сильна, что женщина-читатель должна научиться (путем чтения произведений, написанных для нее) сознательно отключаться от стереотипичного, т.е. мужского взгляда на вещи. В работе американской феминистки Джудит Феттерли «Сопrotивляющийся читатель: феминистский подход к американской литературе» (1978) автор заставляет женщину-читателя полюбить героя, который видит в женщине врага, тем самым ставя читательницу в самое простое и неестественное положение, что значительно меняется в современной постколониальной литературе.

Заключение

Новые литературоведческие теории, теория Саида, положения, изложенные в книге «Империя отвечает» помогают объяснить и досконально изучить, как создается новый образ жителя бывшей англоязычной или франкоязычной колонии, главного или второстепенного персонажа постколониальной литературы. Их взгляды обусловлены не влиянием западного автора или политической силы, определяющей его идентичность, как считалось ранее, а сформированы на основе исконных традиций и специфических языковых средств. Феминистическая

литература в постколониальной традиции, как и литература коренных жителей становится одним из основных фокусов исследования теоретиков, что выводит эти исследования на новый уровень развития. Такая литература в ее гендерном аспекте становится востребованной в современном обществе. Авторы часто могут не ассоциировать себя только с конкретной страной, рассказывая о целом множестве стран и взаимоотношений между героями, семьями, целыми материками.

Список литературы

1. *Lazarus Neil*. The Postcolonial Unconscious. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 299 p.
2. *Boehmer E*. Postcolonialism / Modern Literary theory. Ed. by Ph. Rice and P. Waugh. London: Bloomsbury Academic, 1989. P. 340–361.
3. *Boehmer E*. Colonial and post-colonial literature. Migrant metaphors. Oxford: OUP, 1994
4. Post-colonial Discourse / Post-Colonial Theory: A Reader (Ed. by Patrick Williams (Editor), Laura Chrisman (Editor) Columbia University Press, 1994. 570 p.
5. *Ashcroft B., Griffiths G. and Tiffin H*. The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-colonial Literatures. London: Methuen, 1989.
6. *Brennan T*. Salman Rushdie and the Third World. London: Macmillan, 1989.
7. *Elliott A*. Psychoanalytic Theory: An Introduction. New York: Palgrave, 2002 p. 56.
8. *Fanon F*. “The Negro and Psychopathology” in *Black Skin, White Masks*. France: Éditions du Seuil, 1952.
9. *Fanon F*. The Wretched of the Earth. Macgibbon and Kee, 1965.
10. *Anderson B*. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism, Verso 1983. P. 1–213.
11. *Лосев Л*. Смерть Эдварда Саида, или энергия заблуждения. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/Russian/archive/2003-10/a-200310-14-6-1.cfm>
12. *Nandy A*. “An Anti-Secularist Manifesto”, *India International Quarterly*, Spring, 1995, 22 (1), p. 35–64.
13. *Said E*. 1993. Culture and Imperialism. New York: Vintage Books (Random House).
14. *Гефтер М*. Критическая близость: интервью с Гаятри Чакраворти Спивак. «Душа закаляется на медленном пламени»: интеллектуал — о том, как начать с нуля». Журнал «Михаил Гефтер», 28 сентября, 2016. Электронный ресурс. URL: <http://gefter.ru/archive/19537>
15. *Gilbert S.M., Gubar S*. The madwoman in the attic: the woman writer and the nineteenth century literary imagination. N. Y., 1979.
16. *Spivak Gayatri Chakravorty*. The Post-Colonial Critic: Interviews, Strategies, Dialogues, ed. Sarah Harasym [New York, 1990], p. 114).
17. *Bhabha H*. “Of mimicry and man: The ambivalence of colonial discourse” in *The Location of Culture*, 1994, pp. 85–92. Электронный ресурс. URL: <http://prelectur.stanford.edu/lecturers/bhabha/mimicry.html>
18. *Bhabha H*. Of mimicry and man: The ambivalence of colonial discourse // *Modern literary theory/* Ed. by Ph. Rice and P.Waugh. New York: Bloomsbury Academic, 2001. Pp. 380–387.
19. *Dirlik A*. The Postcolonial Aura: Third World Criticism in the Age of Global Capitalism. *Critical Inquiry* 20 (Winter 1994). University of Chicago, 1994.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.04.2019

Дата принятия к печати: 29.07.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Щербак Н.Ф. Постколониальная литература: истоки, теории и проблемы (новая идентичность героя и автора постколоний) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 4. С. 515—527. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-4-515-527

Сведения об авторе:

Щербак Нина Феликсовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: alpha-12@yandex.ru
SPIN код — 7253-0707
Scopus ID 57200526072

Research Article

Post-Colonial Theory and Literature: Sources and Problems of Development (a New Identity of a Post-Colonial Subject and Author)

Nina F. Shcherbak

Saint Petersburg State University
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The main aim of the article is to consider major works related to the development of post-colonial theories as well as literary sources. The term “post” is considered together with main vectors in the development of Anglophone, Francophone post-colonial literature. In relation to the historic view of colonies existence main tendencies in the development of imperial and anti-imperial theories are considered including those of Fanon, his view of the three-level development of the identity of the colonized and psychic problems that are encountered in the process of this development. F. Fanon looks at the first level of colonial assimilation, which inevitably brings to the second phase, the phase of change and destruction which then is followed by the stage of the author’s identity restoration by means of coming back to the cultural traditions and struggle during which the subject of the colony starts his struggle against the oppressed. Main views of E. Said and his views on orientalism are discussed which aim at striking at the roots of the binary opposition the west and the east proposed by white male critics. Instead a more subtle view is suggested. The views of G. Spivak and a more feminist approach are considered as well as the works by Homi Bhabha applying a more lacanian approach to hermeneutics, the views that form a new identity pattern observed in post-colonial literature thus maintaining a completely different view of post-colonial fiction.

Key words: post-colonial literature, post-colonial theory, post-colonial reading, post-colonial thinkers

References

1. Lazarus, N. 2011. *The Postcolonial Unconscious*. Cambridge: Samridge University Press. 299 p.
2. Boehmer, E. 1989. *Postcolonialism in Modern Literary theory*. Ed. by Ph. Rice and P. Waugh. London: Bloomsbury Acadmic. P. 340—361. Print.

3. Boehmer, E. 1994. *Colonial and Post-colonial Literature. Migrant metaphors*. Oxford: OUP. Print.
4. *Post-colonial Discourse in Post-Colonial Theory: A Reader* (Ed. by Patrick Williams (Editor), Laura Chrisman (Editor) Columbia University Press, 1994. 570 p. Print.
5. Ashcroft, B., Griffiths G., and Tiffin H. 1989. *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-colonial Literatures*. London: Methuen. Print.
6. Brennan, T. 1989. *Salman Rushdie and the Third World*. London: Macmillan. Print.
7. Elliott, A. 2002. *Psychoanalytic Theory: An Introduction*. New York: Palgrave. Print.
8. Fanon, F. 1952. “The Negro and Psychopathology” in *Black Skin, White Masks*. France: Éditions du Seuil. Print.
9. Fanon, F. 1965. *The Wretched of the Earth*. Macgibbon and Kee. Print.
10. Anderson, B. 1983. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Verso. P. 1–213. Print.
11. Losev, L. Smert’ Edvarda Saida, ili energiya zabluzhdeniya. Web. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/Russian/archive/2003-10/a-200310-14-6-1.cfm>
12. Nandy, A. 1995. “An Anti-Secularist Manifesto”, *India International Quarterly* 22 (1): 35–64. Print.
13. Said, E. 1993. *Culture and Imperialism*. New York: Vintage Books (Random House). Print.
14. Gefter, M. 2016. Kriticheskaya blizost’: interv’yus Gayatri Chakravorti Spivak. «Dusha zakalyaetsya na medlennom plameni»: intellektual — o tom, kak nachat’ s nulya». *Zhurnal «Mikhail Gefter»*, 28 sentyabrya, 2016. Elektronnyi resurs. URL: <http://gefter.ru/archive/19537>
15. Gilbert, S.M., Gubar S. 1979. *The Madwoman in the Attic: the Woman Writer and the Nineteenth Century Literary Imagination*. N. Y. Print.
16. Spivak, G. 1990. *The Post-Colonial Critic: Interviews, Strategies, Dialogues*, ed. Sarah Harasym [New York, 1990], p. 114. Print.
17. Bhabha, H. 1994. “Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse” in *The Location of Culture*. Web. URL: <http://prelectur.stanford.edu/lecturers/bhabha/mimicry.html>
18. Bhabha, H. 2001. *Of Mimicry and Man: The ambivalence of colonial discourse // Modern literary theory / Ed. by Ph. Rice and P.Waugh*. New York: Bloomsbury Academic. Pp. 380–387. Print.
19. Dirlik, A. 1994. *The Postcolonial Aura: Third World Criticism in the Age of Global Capitalism*. *Critical Inquiry* 20 (Winter 1994). University of Chicago.

Article history:

Article history:

Received: 27.04.2019

Accepted: 29.07.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Shcherbak, N.F. 2019. “Post-Colonial Theory and Literature: Sources and Problems of Development (a New Identity of a Post-Colonial Subject and Author)”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (4), 515–527. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-4-515-527

Bio Note:

Nina F. Shcherbak is a PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Philology and Linguoculturology, St. Petersburg State University. E-mail: alpha-12@yandex.ru
SPIN code — 7253-0707
Scopus ID 57200526072